

и теориями XIX—XX вв., в которых язык рассматривался как поэтическая стихия (А. А. Потебня), как эстетическое творчество (Б. Кроче, К. Фосслер), современными теориями поэтического языка. Романтическое стремление перевернуть привычное соотношение двух дисциплин шло, с одной стороны, от нового понимания языка (язык как творческий процесс) и, с другой — от стремления отделить в рассмотрении поэзии собственно эстетический момент (то, что делает поэтическое произведение явлением искусства) от технической стороны поэтического творчества (традиционное понимание искусства как τέχνη, умения).

Романтики попытались построить такую поэтику, которая была бы не техническим руководством, а объяснением сущности поэзии, которая никак не может быть сведена к набору определенных приемов. Романтикам было ясно, что с языком в поэзии что-то происходит, что он приобретает совершенно новое качество, становясь частью неразрывного целого поэтического произведения. В своих теоретических изысканиях они пытались дать разгадку этого превращения. Более глубокий, чем у их предшественников, уровень методологической рефлексии потребовал от них определения соотношения теории языка и теории поэзии. Это был серьезный шаг на пути к уточнению специфики каждой из двух дисциплин.

В своем противостоянии рационализму романтики частично воспользовались восходящими к философии сенсуализма идеями, согласно которым слова-образы предшествовали словам-понятиям. Эти идеи романтики восприняли в трактовке представителей сентиментализма и движения «бури и натиска» (Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Гердер). В то же время положение, согласно которому поэтичность первобытного языка была обусловлена в первую очередь его образностью (А. В. Шлегель), разделяли не все участники романтического движения. Так, Ф. Шлегель, начиная с книги «О языке и мудрости индийцев» (1808 г.), резко выступал против отождествления поэтичности первобытного языка с образностью, что никак не мешало ему придерживаться общей для романтиков концепции эволюции языка от мотивированности к условности. При этом следует учитывать, что понятие образа у романтиков не было равнозначно сенсуалистическому понятию образа, поскольку было вплетено в совершенно иной философский контекст. В послеромантический период понятия «образ», «представление» продолжили свою жизнь в языкознании, но уже в новой, психологической трактовке.

Деятельность романтиков, проходившая в период формирования современного гуманитарного знания, отличалась еще высокой степенью синтетизма. В их теоретических построениях проблемы языкознания и поэтики не являются проблемами частной науки, они входят составной частью в общую теорию культуры и только в ее рамках обретают свой истинный смысл. В ходе дальнейшего развития науки этот синтетизм был разрушен, что необходимо учитывать при сравнении романтических идей с современными концепциями поэтического языка. При всем сходстве некоторых из выдвинутых романтиками положений с идеями, разрабатываемыми в языкознании и поэтике на протяжении XX в., сопоставлять их можно только как явления, принадлежащие к разным периодам в развитии науки.

Так, может показаться, что данное Р. О. Якобсоном определение: «направленность (Einstellung) на сообщение как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого — это поэтическая функция языка» [30, с. 202] — практически равноценно высказываниям романтиков о направленности поэтического творчества на язык. Однако у Якобсона речь идет о «сообщении», т. е. его концепция предполагает разделение языковых явлений на «код» и «сообщение» (или, пользуясь терминами Ф. де Соссюра, «язык» и «речь»). Романтики же подобного разделения не проводили, поэтическое творчество, по их представлению, направлено на язык как совокупность всех языковых явлений. К тому же представление